

Е.А. Миллиор

ВСПОМИНАЯ ВЯЧ. ИВАНОВА И КРУЖОК «ЧАША»

*Вступительная заметка и публикация текста
Е.В. Ивановой, примечания Л.Д. Зубарева*

В основу настоящей публикации положена магнитофонная запись беседы литературоведа В.Д. Дувакина (1909–1982) с ученицей Вячеслава Иванова по Бакинскому университету Еленой Александровной Миллиор (1900–1984), сделанная 10 марта 1973 года в Москве. В феврале-марте этого же года В.Д. Дувакин записывал беседы с М.М. Бахтиным, ныне опубликованные¹. В этот момент Е.А. Миллиор приехала в Москву, чтобы познакомиться Бахтина со своей работой о романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»², в результате этой встречи состоялась и запись настоящих воспоминаний, о чем Миллиор 15 марта 1973 года писала своей ученице Д. Черашной: «Неделю провела в Москве и было интересно. Свидание с Бахтиным состоялось. <...> Еще было интересное: на магнитофонной ленте записала воспоминания о Баку 20-х гг.»³.

Запись В.Д. Дувакина, вероятно, самая ранняя по времени фиксация воспоминаний Е.А. Миллиор, до этого известно лишь ее письмо к Н.В. Котрелеву, написанное как отклик на его первую в Советском Союзе публикацию, посвященную Вяч. Иванову и его преподавательской деятельности в Бакинском университете⁴. В ответ на присланный Н.В. Котрелевым отгиск своей статьи-публикации Е.А. Миллиор 2 ноября 1968 года писала: «Не намерены ли Вы осветить интеллектуальную жизнь Баку тех лет (1919–1925)? Обращаю внимание на проф. Георгия Артемовича Харазова⁵, специалиста в области математики и политической экономии, знатока античной философии и литературы, поэта, мыслителя (во многом “антагониста” В.И.). Пока не поздно, надо собрать материалы об этом замечательном, выдающемся человеке. Работал он в Политехническом институте. Лично я не была с ним близка, но молодежь, группировавшаяся вокруг В.И., общалась и с Г.А.»⁶. Как следует из публикуемого текста воспоминаний Е.А. Миллиор, собственный рассказ она во многом посвятила этим сюжетам — интеллектуальной атмосфере Баку начала 20-х годов и фигуре Г.А. Харазова, об отношениях которого с Вяч. Ивановым по существу ничего, кроме воспоминаний Е.А. Миллиор неизвестно. Часть упомянутых в ее воспоминаниях

материалов: дарственные надписи на книгах Вяч. Иванова, подаренных Миллиор, письмо Вяч. Иванова к ней, посвящения и стихотворные экспромты (в том числе и приводимые здесь по памяти) были опубликованы в 90-е годы, а также некоторые записи Миллиор и записи разговоров с ней⁷, где она снова и снова возвращается к сюжетам, впервые изложенным в настоящем устном очерке.

Несколько слов о биографии Е.А. Миллиор с фактической и хронологической точки зрения. Родилась в 1900 году, в Баку ее семья переехала в 1903 году, в 1917 году Миллиор закончила гимназию с золотой медалью, в 1919 году поступила во вновь открывшийся Бакинский университет на филологический факультет, который окончила в 1926 году с высшими баллами по всем предметам, написав зачетное сочинение на тему «Культ Эриний». В 1928 году она уехала в Ленинград и в 1934 году поступила в аспирантуру ЛГУ на кафедру древней истории, где ее учителями были С.А. Жебелев (1867–1941) и С.Я. Лурье (1891–1964). Кандидатскую диссертацию на тему «Исократ и 2-й афинский морской союз» она защитила в 1938 году, но уже с 1937 года по распределению преподавала в Удмуртском государственном университете в Ижевске, где с перерывами преподавала до ухода на пенсию.

Публикуемые далее воспоминания составлены на основе расшифровки бесед В.Д. Дувакина с Е.А. Миллиор, в которых принимала участие литературовед Варвара Антоновна (Аветовна) Арутчева (ок. 1900–1991), также учившаяся одновременно с Миллиор в Бакинском университете. Расшифровка записи выполнена Д.В. Радзишевским, текст для публикации предоставлен Н.А. Паньковым. При публикации сохранены некоторые стилистические особенности воспоминаний, опущены только многочисленные речевые повторы, слова-сорняки («значит», «вот», «так сказать» и пр.), а также те вопросы и реплики В.Д. Дувакина, единственная цель которых заключалась в том, чтобы стимулировать беседу и помочь рассказчице; по той же причине опущены и незначительные реплики и замечания В.А. Арутчевой (ее имя сохранено в публикуемом тексте), тем более что В.Д. Дувакин ее воспоминания записал отдельно, и они ждут своего публикатора.

М. Называюсь я Елена Александровна Миллиор, хотя друзья обычно обращаются ко мне иначе: Нелли Александровна или просто Нелли, и так же называл меня Вячеслав Иванович, в особенности если мы бывали не в большом обществе. Родилась я в Екатеринодаре, это нынешний Краснодар. Примерно в 1904 году, насколько я знаю, семья переехала в Баку. Отец мой инженер, высокообразованный человек был, владел многими языками

ми, учился за границей, одно время жил в Аргентине — работал как инженер. Мать моя пианистка, преподавала рояль, много выступала как аккомпаниатор, как любительница выступала с чтением стихов. Это я говорю для общей характеристики атмосферы дома. Можно добавить для справки еще такую деталь: один из моих двоюродных братьев — известный драматург Евгений Шварц, другой — известный чтец Антон Шварц, они между собой тоже двоюродные братья. С Евгением Шварцем я не очень близко была знакома, а Антона в детстве знала.

Училась я в Баку в Мариинской гимназии⁸, гимназию я закончила в 1917, в год революции, семь классов, а потом поступила на так называемые Блиновские курсы⁹; они соответствуют нынешним курсам по подготовке в ВУЗ; мы проходили ряд предметов, чтобы восполнить образование до уровня мужских гимназий. Там я занималась и латинским языком, но так как я никогда не предполагала быть гуманитарием, и меньше всего — античником, надо признаться в своем грехе, к латинскому языку относилась довольно небрежно, мне доставляло удовольствие перелагать подстрочники в гекзаметры, а не изучать язык, как положено было, и это очень жаль. Закончив Блиновские курсы, встал вопрос об университете. Бакинский университет образовался в 1919 или 1920 году¹⁰. Профессура в основном перебралась к нам из Тифлиса, как тогда называли Тбилиси, и первоначально историко-филологический факультет был и медицинский¹¹. Я собиралась поступать в свое время на естественный факультет, но его не было, и я посещала и тот, и другой, и когда через год или два открылся естественный факультет, я отказалась от этой мысли и осталась на историко-филологическом факультете.

У нас была система не курсовая, а предметная, то есть можно было выбирать и порядок прохождения предметов, и комплекс, но в то же время существовал обязательный для всех минимум, и обычно нам в начале года рекомендовали, в каком порядке предметы проходить. Я слушала курс истории Древнего Востока у профессора Байбакова¹², ученика профессора Бузескула¹³, и историю Древней Греции у профессора Николая Александровича Дубровского¹⁴. Мне кажется, что историю Рима я вообще не слушала, просто сдавала по учебникам, во всяком случае это я не помню, но историю Греции я помню очень хорошо, и помню очень хорошо наши первые практические занятия. Это были практические занятия по Фукидиду — разумеется, в русском переводе. Я это говорю вот почему. Вячеслав Иванович Иванов приехал через год. Значит, я была уже на втором курсе и уже к этому времени определила полностью свои интересы. Николай Александрович Дубровский настолько меня увлек, что я уже тогда решила стать античником, и даже уже — заниматься истори-

ей Древней Греции, что я и выполнила. Соответственно, в дальнейшем я сдавала, конечно, все необходимые предметы, далеко не всегда слушая соответствующие курсы, как и другие мои товарищи, пользуясь книжками, а посещала те занятия, которые были мне нужны и интересны в связи с моей специальностью, причем не всегда сдавала экзамены по тем курсам, которые я слушала, — это было, так сказать, уже мое дело.

Любопытна такая деталь. Каждый из нас, окончивших Бакинский университет до реформы, то есть когда кончился факультет историко-филологический и был открыт факультет общественных наук, который мы, шутя, называли факультетом ожидающих невест, ФОН, каждый из нас, окончивших, получал диплом совершенно индивидуально, а не по общей форме, как сейчас, отпечатанный типографским образом, широкий, имеющий две стороны: на одной, налево, все это было по-русски сказано, а на правой стороне на азербайджанском языке, и арабским шрифтом, арабской вязью. Мой диплом № 26 1926 года сохранился. А оценки у нас были так: либо «удовлетворительно», либо «весьма удовлетворительно». Могу сказать, что у меня только «весьма удовлетворительно», отчасти по милости Вячеслава Ивановича, я потом скажу об этом.

Итак, когда приехал Вячеслав Иванович, я уже была определенным образом ориентирована в сторону интереса к античной литературе, к античной истории, античной философии, греческой религии и тому подобное.

Д.: А сам по себе переход от историко-филологического к ФОНу означал сильное ослабление университета?

М.: Это была деградация несомненная. И это была одна из причин, об этом я думала дальше сказать, по которым Вячеслав Иванович не остался там. Очень может быть, что, если бы не было ФОНа, Вячеслав Иванович вернулся бы в Баку, у меня есть основания так думать. Ну, просто уже не было места, площадки для его работы. А мы, значит, тоже спешно заканчивали в двадцать шестом году и с ФОНом уже ничего общего не имели.

Я очень хорошо помню тот день, когда ко мне зашел зволнованный мой приятель, с которым мы одновременно поступали, очень талантливый юноша, рано умерший, такой Борис Евстратов, очень красивый талантливый молодой человек, и сообщил, что приехал поэт Вячеслав Иванов. Видимо, это имя мне уже было известно, потому что я запомнила этот день как событие в жизни и своей, и университета.

Вообще, я могу сказать, что состав профессуры был очень сильный. Я прежде всего могу отметить тех, у которых я училась как историк, прежде всего Николай Александрович Дубровский, совершенно блестящий лектор, замечательный педагог, руково-

дитель семинаров, практических занятий, который учил нас, как нужно обращаться с источниками (я ему то что называется по гроб благодарна). Он читал не только историю Греции, он читал и новую историю, я у него слушала этот курс, спецкурсы читал по новой истории и так далее. Другие курсы по истории вел профессор Ишков¹⁵. Историк блестящий, очень серьезный профессор. Философию у нас вел Селиханович¹⁶. Логику и греческую философию — я слушала курс по Платону — вел тоже неизвестный профессор Гуляев¹⁷ из Казани. Психологию — я не слушала курс, а сдавала просто — у профессора Маковельского¹⁸, широко известного. Русскую историю и политическую экономию я сдавала профессору, по-моему, из Киева, Довнар-Запольскому¹⁹. Это все очень крупные имена, и университет в это время был на большой высоте.

Мне бы хотелось некоторые чисто внешние моменты отметить: они относились вообще к постановке дела и ко всем профессорам. У нас не было, во-первых, ни одной преподавательницы-женщины, мы не представляли себе даже возможность на кафедре женщины. Что касается профессоров, то, за исключением наиболее левого, так сказать, профессора Ишкова, — он, кажется, меньшевиком был, историк, он единственный на кафедре входил в сером костюме, обычно в сером пиджаке. Это было очень либерально, все же остальные были в строгом черном костюме; я, вообще, не помню был ли пиджак, вероятно, сюртук, Вячеслав Иванович и все остальные тоже. Это одна особенность была.

Вторая особенность была, которую я очень запомнила: профессора, если встречались с нами в коридоре, то здоровались с нами за руку, что сейчас просто даже неприлично считается в нынешних университетах, и называли нас отнюдь не по фамилии, а только по имени-отчеству: Вячеслав Иванович называл меня Еленой Александровной, так было положено. А мне было двадцать лет, так что тон был настоящего университета, в духе немецких, вероятно, университетов такой был стиль общий, серьезный был очень стиль.

Еще одна интересная деталь. Профессора, как положено, перед экзаменами или в начале курса (это я не помню), давали нам список литературы, необходимой для экзамена, причем эта литература бывала на русском, немецком, французском, английском языках, и никого не спрашивали, знаешь ли ты языки, это считалось само собой разумеющимся. Учебников было немного, это тоже нужно отметить для дальнейшего, это был молодой университет, библиотека только создавалась, и русские книги и учебники, нужные для сдачи экзаменов, были в ходу, трудно было получить. Так что некоторые экзамены я сдавала, пользуясь только немецкой литературой. Экзамен по Древнему Востоку,

который был самым первым в моей жизни в университете, и поэтому я его запомнила, я сдавала в зимнем семестре Байбакову, и часть этого курса я изучала по книгам Эдварда Майера²⁰. Причем это никого не приводило ни в восторг, ни в умиление, ни в удивление, все это было совершенно само собой разумеющимся, что человек, который брался учиться в университете, должен был знать какой-то язык в совершенстве. Курс по истории эллинизма (я сдавала его тоже Байбакову, он у нас читал спецкурс истории эллинизма) — я сдавала его, пользуясь немецкой соответствующей книжкой Кёрста²¹. Экзамен по истории Греции я в основном сдавала, как я помню, по Белоху²², и тоже как будто бы на немецком языке, но это я точно не помню, во всяком случае не по учебнику, а по настоящим фундаментальным курсам.

Вот так мы учились, мы работали по-настоящему, не по облегченным каким-то книжечкам и учебникам, а по-настоящему. Как я сказала, мы изучали Фукидида у Николая Александровича Дубровского, и изучали так, что потом я на всю жизнь основное знала, мы эти два тома в издании Сабашникова²³ проработали как следует быть. А когда мы это окончили, он нас познакомил с элементами изучения эпиграфики. Нет, это я, кажется, говорю неправду, с эпиграфикой нас познакомил Вячеслав Иванович, с греческой эпиграфикой, а он знакомил нас с какими-то другими источниками — может быть, с Псевдоксенофонтовой «Афинской политией» или что-то другое. Да, еще я вспомнила, что у нас преподавал уже ныне покойный, довольно известный в Москве и за пределами (кажется, он тоже был профессор или доцент) Бергер, автор книги о демократических учениях в греческой публицистике, я не помню ее названия²⁴. Он вёл семинар, по-моему, по Аристотелевой «Афинской политике», я проходила у него, была в этом семинаре.

Каждый год объявляли разные курсы и разные практические занятия, разные семинары, и я совершила и правильную, и очень ошибочную для себя вещь, потому что я даже дублировала, проходила множество семинаров и спецкурсов по интересующим меня вопросам и очень пренебрежительно относилась ко всему остальному. В результате получилось так, что я могла преподавать античность и совершенно не бралась никогда за преподавание средних веков или новой истории. Я все это сдавала, но ограничивалась этим. Только один семинар по наказам третьему сословию Французской революции я проходила у Николая Александровича Дубровского, но этот семинар не был завершен, он ушел из университета. Это все может быть интересно, потому что рисует общую картину в традиции немецких университетов.

Если еще два слова добавить, то я могу сказать, что у меня были практические занятия на греческом языке по Платону. Это,

правда, были только языкового порядка, мы читали «Федон» Платона на греческом языке на второй год после прохождения элементарного курса, и отдельно был курс Гуляева по Платону. Я сдавала общий курс истории религии у Байбакова, он читал такой общий курс, у меня есть экзамен по этому курсу, но в основном восточные религии, и специальный курс истории греческой религии. У Байбакова я слушала и курс по истории <религии>, по происхождению христианства. Я не сдавала этот курс, но очень внимательно к нему относилась, слушала его, он дал мне в свое время чрезвычайно много. Курс истории Византии я слушала у профессора Зуммера, который был и искусствоведом²⁵, и очень хорошо помню, как я получила у него «весьма удовлетворительно», пошла к Вячеславу Ивановичу, с гордостью это сказала, Вячеслав тут же стал меня экзаменовать по Византии и был весьма недоволен моими знаниями, так что критерии были различные. Что касается таких курсов, у нас были история тюркских народов и история Востока нового времени, их читал профессор Жузе, большой знаток²⁶, но я не слушала эти курсы, у него были книги, я просто по этим его же книгам изучила курс этот и соответствующим образом сдала. Вот это было у нас принято.

Итак, я возвращаюсь к ходу дела. Когда приехал Вячеслав Иванович, я уже была заинтересована в античности. Вячеслав Иванович читал очень много курсов. Как известно, напечатана статья в сборниках Тартуского университета «Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета», где перечисляются курсы, которые он читал, и там же напечатано мое дополнение, или примечание, в котором я указывала неточности, допущенные автором²⁷. Читал он настолько разнообразные курсы, что сейчас любой профессор может только, так сказать, глаза раскрыть от удивления. Он читал специальный курс по Гомеру, и, насколько я помню, по «Илиаде», этот курс я слушала и сдавала, особый курс по истории греческой лирики, который я слушала (не помню — кажется, тоже сдавала), причем, конечно, Алкея и Сафо он давал в своем собственном переводе, это было чрезвычайно сильное впечатление, этот курс. Потом, он читал для очень широкой аудитории курс греческой трагедии. Эсхила он давал в своем переводе.

Я очень хорошо помню также, как он рассказывал нам биографию Софокла. Тут есть одна любопытная деталь, я ее передам. Читал он Еврипида, но Еврипида он не любил, и я почувствовала Еврипида много-много лет спустя, а Еврипида Вячеслава Иванова я просто не помню. Когда он читал вводную лекцию по Софоклу, рассказывая о его жизни, он, между прочим, говорил о том, как Софокл был в свое время стратегом, как он на одном из островов, куда причалила его эскадра, был приглашен на пир и

как он просил хорошенького мальчика-виночерпия сдуть перышко с вина, и в том месте, где прикоснулись губы этого мальчика, сам пил вино, как бы таким способом — это был греческий способ — целуя этого красивого мальчика. Убеждена, что ни один профессор истории греческой литературы в настоящее время такую ужасную, в кавычках, деталь не передал бы, а Вячеслав Иванович с тонкой улыбкой это рассказывал, и мы это очень хорошо понимали и воспринимали. Это, я думаю, характерная деталь для Вячеслава Ивановича.

Кроме того, он вел курс по немецким романтикам, это я не слушала, спецсеминар по Гете, по «Фаусту», конечно, в оригинале, разумеется, очень интересный не то курс, не то как-то и с практическими занятиями связанный «Пушкин и Достоевский», да, «Пушкин и Достоевский», очень интересный был курс — я, кажется, один раз посетила его, невозможно было все посещать, — и еще целый ряд других разнообразных курсов из самых разнообразных эпох. Как видите, тут была и русская литература, и немецкая литература, и другая. Затем, был чрезвычайно интересный курс по поэтике, который я не систематически, но все же посещала, где он нас знакомил с современным для того времени стихосложением. Вот это может дать хоть какое-то представление, но я посещала у него то, что имело для меня, для моей дальнейшей работы, особенное значение, — он вел курс по греческой <литературе>, по Эсхилу, спецкурс... Мы читали Эсхила «Орестею», но не всю «Орестею», а читали мы «Эвмениды» на греческом языке, на этом я хочу остановиться чуточку подробнее, это важно.

Университет, как я сказала, был молодой. Здание было прежнего Коммерческого училища. В большом помещении было сделано отдельное помещение, такой деревянный закуток, который назывался кабинет классической филологии. Это было удивительное место. Кто там бывал, запомнил все, связанное с ним, на всю жизнь. Это было далеко не только то место, где мы занимались у Вячеслава Иванова, там же мы и готовились к занятиям, там же молодежь устраивала свидания, встречи и так далее. Словом, это было самое дорогое наше собственное место. Ключ был у Вячеслава Ивановича, и я помню, как однажды я в выходной день должна была позаниматься, я зашла к нему домой (об этом я тоже скажу, как он жил) и взяла ключ, пошла, позанималась, одна сидела там, конечно, а потом, переведя то, что мне было нужно, вернулась и вернула ему ключ, вот это как было. В этом помещении стоял шкаф, а в шкафу были очень важные пособия для нас. Было: «История греческой религии» Рошера²⁸, «Мифология» Рошера²⁹. Был словарь — ну, неполный, конечно, в то время — Паули-Виссова по античности, самая руководящая

работа для каждого античника, без которой вообще невозможно жить³⁰, и другие книги, и мы всей этой литературой пользовались.

Я, пожалуй, расскажу о том, как Вячеслав Иванович жил, бытовую сторону, а потом уж остановлюсь более подробно на занятиях, это будет лучше. Первоначально он устроился или его устроили в университете во втором этаже в крохотной комнате, которая выходила прямо в университетский коридор. Он там жил со своей дочерью старшей Лидией, сейчас она композитор, довольно известный в Италии, и младшим сыном Димой, Дмитрием Вячеславовичем³¹. Нелегко, конечно, жилось ему, естественно, в такой обстановке. Я запомнила один день особенно. Лидия Вячеславовна, — Лида тогда, конечно, просто (она года на три была старше меня), заболела тифом, и он вызвал из больницы транспорт перевезти ее и в большом волнении ожидал этот транспорт. Видимо, занятий в это время не было, я оставалась с ним, мы бродили по коридору, и он рассказывал в это время мне какие-то очень сложные вещи, я их в деталях не запомнила, о какой-то христианской секте. Вот это чрезвычайно характерно для Вячеслава Ивановича: он общался с нами в разное время, и не было такого момента, который он не использовал бы, если б обстановка была подходящая, чтоб не дать нам каких-нибудь очень существенных знаний или толчка каким-то серьезным научным или иным философским интересам. И этот день, когда мы с ним бродили по коридору, и он мне рассказывал, я очень запомнила.

Потом его жизнь стала чуточку полегче, ему отвели другое помещение, выходящее в университетский двор, во флигель. Там было две комнатки небольшие, где жил он, был его кабинет, и во второй комнате Лидия Вячеславовна, ее брат Дима, из этого второго помещения он и выехал в дальнейшем в Москву и затем в Италию. Тут у него бывали самые разнообразные люди, весь цвет бакинской интеллигенции и те, которые туда приезжали, ну, например, Сергей Городецкий туда приезжал к нему³². Насколько я помню, — это не очень отчетливо помню, — но, по-моему, приезжал Пяст³³, посещали его музыканты. Так что это было что-то заменяющее знаменитую башню в Петербурге эта его маленькая квартирка двухкомнатная в университетском дворе.

Рядом был такой небольшой коридор, и нужно было его пройти, и в начале коридора — помещение, которое когда-то было ванной, но ванной там давно уже не было. Вот это темное, довольно мрачное узкое помещение было отведено его другу, который приехал откуда-то из Причерноморья, из Сочи или еще не помню откуда, Сергей Витальевич Троцкий, человек очень своеобразный, чрезвычайно интересный, талантливый, ну, очень своеобразный, и женственный несколько по облику³⁴. И мы, значит, наша студенческая братия (собственно, я к ней не принад-

лежала в данном разрезе), сочиняли стихи, гекзаметром, разумеется, посвященные Вячеславу Ивановичу и окружению. К сожалению, стихи эти пропали, но стишок один мне запомнился, он тоже характерен: «В комнате ванной плескалась нимфа ручная Сережа», Сергей Витальевич Троцкий. Вот такие вот образы. В этой же поэме были первоначально такие строчки: «Выпито много с утра, а с вечера вчетверо боле». По-моему, автором этих стихов был Миша Брискман, один из учеников Вячеслава Ивановича³⁵. Это демонстрировалось на наших сборищах.

Д.: А он не имел какого-нибудь отношения к Льву Давидовичу Троцкому?

М.: Разумеется, никакого отношения он к нему не имел, и не мог иметь, потому что Сергей Витальевич принадлежал к русскому дворянству, его родной племянник был сыном генерала Янушкевича³⁶, то есть совершенно другой круг, и тем не менее ему пришлось, как это ни забавно, изменить в дальнейшем свою фамилию, потому что она совпадала с партийной кличкой известного Троцкого.

Так вот, у меня были написаны стихи, я их целиком не помню (да и вряд ли это стихотворение целиком интересно), но начало как-то характеризует впечатление, которое оставлял на нас Серженька, — никто его не называл Сергей Витальевичем, его называли Серженькой, — и он очень любил кошек, так же как и Лидия Вячеславовна, так что однажды произошел даже несчастный случай: он стоял к ней спиной, она бросила в него кошку, думая, что вцепится кошка в его спину, а он как раз повернулся, и кошка оцарапала ему лицо. Я это запомнила, потому что Лидия была просто в отчаянии от того, что произошло. Но несчастья никакого, конечно, не случилось. Так вот начало стихотворения, которое я читала и Вячеславу Ивановичу, посвященное Серженьке:

Он многим мог казаться очень странным,
У многих он улыбку вызывал,
А я запомню, верно, навсегда
Костюм его, слегка необычайный,
Его прическу лорда Фонтлероя,
Короткий смех, и речь, когда, жеманясь,
Он утверждал, что это очень честно,
И прижимался выбритой щекой
К упорно равнодушному коту.

Он очень протестовал против этой последней строки, утверждая, что кот не был к нему равнодушным.

Как Дориан любил цветы и камни,
Мечтал о женщинах, рубинах и алмазах,

Он грезил, там, о каких-то, там, дальше каменьях,
В его руке всегда лежали чётки,
Он их перебирал порой небрежно,
Он их любил, как милую игрушку,
А может быть, как талисман нелживый.

И вот к чёткам были прикреплены две золотые ручонки, из золота сделанные крошечные украшения:

И я, прощаясь, не руки, а игрушечные ручки
Любила пожимать.
Так он пленил меня улыбкой милой
И сложностью исканий...

Я забыла это слово, потому что, когда я это прочитала, Вячеслав Иванович улыбнулся и переделал мой стих. Я там что-то комплиментарное сказала — «сложностью его исканий», а Вячеслав Иванович, улыбнувшись, сказал: «и тонкостью туманных умозрений». Это строчка Вячеслава Ивановича: «И тонкостью туманных умозрений». Вот таков был Серженька. Более подробно его внешность вы опишете?

Арутчева: Я с ним знакома не была, но на улице, когда я его впервые встретила с Лидией Вячеславовной, я была поражена. Он был одет в пиджак такой примерно, как Евгений Онегин носил, с большим бантом черным, брюки у него были, по-моему, гольф, длинные черные чулки, волосы длинные, стриженные, не до плеч, но чуть покороче, и мне даже кажется, он немножко подкрашивался...

М.: Подкрашивался.

Д.: Значит, он был слушателем?

М.: Нет, он был уже человеком немолодым в это время... Он был просто другом, который жил до этого где-то, не знаю точно, в Сочи или в Сухуми, страшно нуждался, был совершенно одинок и затем приехал в Баку, чтоб быть около близких людей.

Арутчева: Сколько ему лет было примерно? Ему под сорок, наверно, было?

М.: Ну, вот что-нибудь в этом роде.

Д.: Значит, это был непосредственно близкий друг, приятель Вячеслава Ивановича?

М.: Семьи Вячеслава и дочери...

Д.: И в какой-то степени характеризует её атмосферу, так же, как вы характеризовали атмосферу, в которой вы росли. Так, и это атмосфера петербургских салонов примерно на десять лет раньше?

М.: Ну, примерно так, да, конечно, согласна.

Д.: Которая законсервировалась вот в таких экзотических условиях полуэмигрантского-полусоветского Баку, потому что началось это когда еще там не было советской власти...

М.: Нет-нет, они приехали все при советской власти... Иначе они не могли бы и приехать в Азербайджан.

Арутчева: Они от голода уезжали, мы все от голода.

М.: Они уехали от голода в Баку, в советский Баку.

Д.: А там не дашнаки были, нет?

М.: Нет, там был мусават. Мусаватисты — это Азербайджан, а дашнак — это армяне. А приехали они все, нет, из Тифлиса приехали раньше — в девятнадцатом году, Николай Александрович Дубровский из Тифлиса приехал в девятнадцатом году, а из России все приехали, когда Баку стал советским, в двадцатом году.

Д.: Ну, продолжайте о Вячеслав Ивановиче.

М.: Значит, чтобы эту бытовую сторону закончить, — расскажу еще одну деталь, тоже не совсем обычную для современных университетов (а впрочем, я не знаю, не настаиваю). Я в это время была слушательницей и одновременно работала в библиотеке, библиотекарем Бакинского университета. И вот приближался день моего рождения. Сколько мне тогда исполнялось, я не помню, — вероятно, двадцать три года, что-нибудь в этом роде, и я предполагала созвать друзей в ближайший выходной день, но каким-то образом, не от меня, конечно, Вячеслав Иванович узнал, что такого-то числа, девятого октября, мой день рождения, и вот он пригласил меня к себе домой, чтобы вместе отпраздновать мой день рождения. В моей жизни, конечно, значительный факт, и, поскольку я рассказываю исходя из своих собственных воспоминаний, я считаю возможным и это сообщить. Из гостей присутствовал, насколько я помню, только один человек — его ближайший ученик и друг Моисей Семенович Альтман³⁷. Ну, конечно, как это положено, произносили тосты в честь именинницы, а Моисей всё время говорил, что он скажет лучше, чем все остальные, и, наконец, подняв бокал, произнес: «Melior», что и значит по-латыни «лучше». Правда, он чуточку исказил мою фамилию: не «Меллиор», а «Миллиор», но все же это получилось достаточно остроумно, а Моисей Альтман всегда и был, и остается человеком остроумным и мастерски владеющим словесной игрой, и он до сих пор с некоторым самодовольством даже вспоминает, как он этот тост произнес, — «лучше», чем все остальные. Вот был такой день.

Д.: Простите, а Моисей Альтман, это что — брат Натана Альтмана?

М.: Никакой не брат, это просто однофамилец, никак не связан с художником. Отношения между Вячеслав Ивановичем и Моисеем были несколько иные, чем со всеми нами, потому что к тому времени Моисей Семенович уже успел закончить медицинский факультет в Киеве, был человеком уже взрослым, и образованным, и очень талантливым, и, кстати сказать, Моисей Семё-

нович получил диплом Бакинского университета историко-филологического факультета номер один, в этом его тоже особенность. Вячеслав Иванович с ним много говорил по вопросам литературы, но это все известно, поскольку опубликовано в сборнике Тартуского университета, беседы Альтмана с Вячеславом Ивановичем³⁸.

У нас были отношения иные, но надо сказать, что Вячеслав Иванович, если так можно выразиться, с каждым из нас имел свой особый роман. Эти отношения были настолько индивидуальны, и он давал каждому так много, что даже такой невероятно ревнивый в свое время человек, как я, не ревновала к моим товарищам, потому что больше, чем мне давал Вячеслав Иванович, я уже принять просто бы не могла, это был максимум. Я ходила все время в состоянии какого-то особого подъема и возбуждения, вызванного встречами с Вячеславом Ивановичем.

Педагог он был такой: он умел держать в прицеле каждого в отдельности. Так, например, однажды (ну, я дальше расскажу об этом подробнее, о наших занятиях, но пока в контексте это будет уместно), однажды я делала доклад на семинаре, и сделала его неудачно, что может с каждым студентом случиться. Вячеслав Иванович, несмотря на нашу дружескую близость, *очень* резко ну, не осудил, но покритиковал меня, и я, как тоже очень характерно для студентов, немедленно пришла в отчаяние, решила, что все равно ничего не выйдет, что я человек бездарный и тому подобное, и стала относиться весьма пассивно ко всему, сидела и на его занятиях с весьма мрачной физиономией. Вячеслав Иванович видел, это были небольшие аудитории, я сидела впереди, и он заметил мое состояние, и однажды, когда я проходила через его квартиру — я бывала там по особым делам, — он остановил меня и со мной побеседовал. Надо сказать, я находилась в таком возбужденном состоянии, что я как-то не запомнила самое содержание беседы, кроме отдельных его реплик. В общем, он говорил о том, что я должна была читать для комментария его книгу «Дионис и прадионисийство», и я многое там не поняла, что немудрено: книга написана исключительно сложным языком, исключительно сложные мысли. И он не без такого внутреннего удовольствия говорил: «Да, моя книга — твердый орешек», и в общем, он успокоил меня, я вышла от него буквально ощущая, что у меня выросли крылья. Вот это я считаю очень большой педагогической заслугой Вячеслава Ивановича: он беспощадно критиковал, но никогда не доводил человека до отчаяния.

Да, я забыла сказать, сейчас я вспомнила, что был еще один чрезвычайно интересный семинар, в котором я принимала участие и доклад делала (насколько я помню, неудачный, потому что это было, действительно, слишком сложно для большинства

из нас). Доклад этот был «Ницше и Дионис», и тогда вот я прочитала, разумеется, на немецком, и знаменитую работу Ницше «Die Geburt der Tragödie aus dem Geist der Musik»³⁹ и тогда ознакомилась с книгой Роде «Псюхе», причем это... я получила Роде из рук Вячеслава Ивановича.

Д.: Повторите ещё раз название книги по-немецки и точное — по-русски.

М.: Хорошо, если это нужно.

Д.: Да.

М.: Значит...

Д.: Книжка...

М.: «...Die Geburt der Tragödie aus dem Geist der Musik» — «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше, на немецком, и книга Роде «Псюхе» — «Душа», о греческой религии, о Дионисе, которую тоже я получила из рук Вячеслава Ивановича. Я ни ту, ни другую книгу никогда на русском в руки не брала. Сейчас мне подарили два тома Роде «Псюхе»⁴⁰, конечно, на немецком языке, она вообще, по-моему, на русский и не переводилась. Это все любопытно для атмосферы того времени, для характера нашего семинара, уровня. Но все это было очень сложно. Ницше и Дионис — это тема скорее диссертационная, чем ученического реферата. Теперь я хотела бы уже более подробно остановиться на его курсе, посвященном Эхилу, проводился не курс, собственно, а практические занятия по Эхилу. Эхила он вел как часть своего лекционного курса греческой трагедии, который я слушала. И был еще спецсеминар по «Эвменидам» Эхила. Мы прочитали целиком, насколько я помню, за длительный срок, «Эвмениды» Эхила. Некоторые места я даже запомнила наизусть. Например, начало монолога Пифии:

Н ΔΕΙΝΑ ΛΕΞΑΙ, ΔΕΙΝΑ Δ' ΟΦΘΑΛΜΟΙΣ ΔΡΑΚΕΙΝ,
ΠΑΛΙΝ Μ' ΕΠΕΜΨΕΝ ΕΚ ΔΟΜΩΝ ΤΩΝ ΛΟΞΙΟΥ*.

И некоторые другие места. Задача была такая: каждый получал небольшой отрывок, который должен был прочитать, перевести и дать комментарий двойной — прежде всего, конечно, комментарий грамматический, и во-вторых — реальный комментарий, то есть относящийся к греческой мифологии. И мы соответственно, должны были использовать ту литературу, которую он нам предлагал; его собственные личные книги, и, как я уже сказала, исключительно на немецком языке. Это был Роде, Рошер, словарь Паули-Виссова и, может быть, что-нибудь еще, что я не помню.

---

* Не только что глядеть — назвать и то страшусь.

Меня из храма гонит ужас... (Пролог трагедии Эхила «Эвмениды», с. 34–35).

Увлекались мы чрезвычайно. Занятия проходили вечером. До обеда, в первую половину дня, был там медицинский и естественный, кажется, факультеты, а занятия историко-филологического проходили во вторую половину дня. Шесть часов были занятия, но обычно я посещала две пары, — насколько я сейчас помню, последние (а может быть, и было их только две, это я сейчас боюсь сказать). Но я знаю, что занятия, о которых я говорю, занятия по Эсхилу, — проходили уже в последней паре, и для нас времени не существовало. Если предполагался, значит, конец, последний звонок, мы отправлялись к швейцару, забирали нашу верхнюю одежду, возвращались и сидели столько, сколько нам этого хотелось. И нам, конечно, и в голову даже не могло прийти: «Ах, он нас задерживает!», «Ах, мы устали!» или что-нибудь подобное, хотя...

Д.: А что *он* устал и *вы* его задерживаете, это вам тоже не приходило в голову?

М.: Об этом тоже мы не думали, потому что он увлекался так же, как и мы увлекались, это была наша жизнь, тут не было момента, что это работа, которая может утомлять. Причем многие из нас, и я, служили, работали, так что это не то что мы, отдохнув первую половину дня, приходили на занятия: мы приходили на занятия уже отсидев шесть часов, я — в библиотеке, другой — в каком-то другом месте, и он, конечно, и готовился, и встречался, и день был чрезвычайно напряженный у него, и тем не менее вот так.

Бывали и другие вечера, когда мы заканчивали занятия и потом отправлялись в нашу Филармонию в саду — когда-то он назывался Губернаторский сад (как он назывался потом, я не помню), а самое здание называлось ОСГД; что значит ОСГД я сейчас не представляю себе, никто мне не может это объяснить, но это было великолепное здание, оно и сейчас, вероятно, существует в Баку, в таком итальянском стиле, с несколькими широкими ступенями-террасами, и на одной из этих ступеней-террас находилась раковина для оркестра, и там весной и летом, когда уже тепло бывало, выступала Филармония. И я очень хорошо помню, как мы, сидя рядом, слушали 6-ую симфонию Чайковского и как он говорил мне о скерцо: «Природные духи шалят». Тоже для него очень характерно. И таков был и стиль отношений, опять-таки, совместно: музыка, книги. Он всегда знал, что мы читали, и очень хорошо помню, как он в это время перечитывал «Войну и мир» Толстого. Обычно считается почему-то, что Вячеслав Иванович не любил Толстого, но я очень отчетливо помню, и выдумать это я не могла, даже интонацию его помню, как он говорил с восторгом: «Это ж Гомер! Это ж Гомер!» Он как будто бы впервые для себя в эти годы открыл «Войну и мир» Толстого.

Вот таков был общий стиль нашей работы и наших отношений. Ну, всего, конечно, не передашь, и память не все сохранила. Тут интересны многие детали, еще одну деталь я приведу. Разговор, при котором я не присутствовала, насколько я помню, но мне его передали присутствовавшие, потому что это очень интересный был разговор. Он беседовал с какой-то знакомой девушкой, — кажется, даже не студенткой, — которая высмеивала одного, другого, третьего из общих знакомых, и Вячеслав Иванович, так сказать, подыгрывал ей, смеялся сам. А потом она как-то с недостаточным уважением отозвалась о Хлебникове, и тут Вячеслав Иванович взъярился, а он был очень страшен в гневе (это я говорю не иронически и не шуточно, я видела его один раз рассерженным, это очень страшно было), и стукнув кулаком, сказал: «Не касайтесь Хлебникова, это гений!»

Совсем иначе он отозвался о Сергее Есенине, который приехал, кажется, в двадцать четвертом или двадцать третьем году в Баку⁴¹. Он там некоторое время жил, и выступление у него было в университете. Очень хорошо помню, как мы сидели втроем в комнате Вячеслава Ивановича: Вячеслав Иванович, Серженька и я — и говорили о Есенине, и Серженька как-то без особого уважения говорил, без особой симпатии говорил о Есенине, и Вячеслав возразил ему с такой вячеславской специфической улыбкой: «Хорошенький мальчик». Значит, Есенин для него был прежде всего хорошенький мальчик, и поэтому он относился к нему благосклонно.

Арутчева: Но, вероятно, он и тому хотел сказать «хорошенький мальчик». Ну, Троцкому.

М.: Нет, он совсем уже был и не мальчик, и не хорошенький, тут другие были отношения. А к Маяковскому он, видимо, относился очень отрицательно. Я была полностью под влиянием Вячеслава Ивановича и чрезвычайно жалею, что не была... Все мои друзья были, а я почему-то не пошла на выступление Маяковского⁴², до сих пор об этом я жалею, но я была настолько под влиянием Вячеслава, что отнеслась с самого начала враждебно к Маяковскому, о чем очень жалею, но ничего не поделаешь.

Был в это время в Баку еще один замечательный человек, о котором подробно я рассказать просто не сумею, не только по времени, но и по возможностям, но упомянуть считаю прямо необходимым, — человек, о котором в дальнейшем было бы очень хорошо, если бы люди писали бы книги и диссертации, все что угодно, совершенно исчезнувший из памяти, но о нем мог бы подробно и содержательно рассказать Моисей Семенович Альтман, на это я обращаю внимание моих потенциальных слушателей, вот. Это был очень талантливый, исключительно талантливый человек по фамилии Харазов. Ой, как же его имя-отчество

было, я сейчас забыла... Артемьевич или Артемий... Владимирович?.. забыла его имя-отчество⁴³. Харазов фигура очень крупная и очень интересная, и чрезвычайно жаль, что архив его погиб, и как-то о нем нет нигде упоминания, поэтому я хотела бы очень о нем сказать несколько слов. Когда мы, ученики Вячеслава, в шестьдесят шестом году собрались и отмечали столетие со дня его рождения, Моисей Семенович кое-что говорил о Харазове, что Харазов был антиподом, антагонистом Вячеслава Ивановича в области мировоззрения, и оба они были настолько сильными, что он от Вячеслава Ивановича ходил к Харазову, чтобы не полностью поддаться влиянию Вячеслава, и от Харазова ходил к Вячеславу, чтобы не полностью поддаться влиянию Харазова. Я с ним познакомилась, и Харазов проявил ко мне определенный интерес. Я очень хорошо помню, как один вечер мы с ним бродили по бульвару и он все пытался узнать тайное моей души, что мне совершенно не было желательно, я этого избегала. Помню нашу беседу в общих чертах. А дальше произошло вот что удивительное. Вячеслав каким-то образом узнал о том, что Харазов интересуется мною, а я, очевидно, Харазовым, и, вызвав меня, сказал, очень строго: «Или я, или Харазов, выбирайте». (*Арутчева смеется.*) Любопытно, что никому другому он этого не говорил: ни Колобовой, ни Альтману, его ближайшим ученикам, а вот мне он это сказал: «Либо Харазов, либо я». Может быть, он чувствовал, что я человек, легко поддающийся под влияние, и не хотел меня отдавать Харазову. Я, конечно, на это ответила влюбленно: «Вы, Вячеслав Иванович».

Помню, между ними был диспут. Харазов был профессором Политехнического института, был он специалистом и в области высшей математики, и по политической экономии. Я читала его книгу по политической экономии чрезвычайно интересную, но, кроме того, он был чрезвычайно интересным, и талантливым, и своеобразным поэтом, и превосходно знал античность, знал Гомера. У него есть стихотворение, его со мной нету, я наизусть его не помню, но оно у меня хранится, «Одиссей», замечательное стихотворение, очень выразительное, прекрасно сделанное, и другие стихи. Вот я одно, кажется, вспомню: «Я...», вот второе слово забыла, не «исключительно», а как-то иначе:

Почитывал когда-то Герца,
...Так же компаньон
Непонимающего сердца.
Что день, то все наоборот,
Что ночь — такая чертовщина!
Я, слава Богу, идиот,
А не мудрец и не машина.

Вот это одно из стихотворений Харазова. Или начало другого:

Легко с подругой учится урок,
Сперва — улыбки за вечерним чаем,
Потом, обнявшись, сядем и читаем,
Скосив глаза лениво между строк.
За поясом (что-то такое) дрожит цветок,
Волнением искуса обуревая...

И так далее, стихи часто бывали весьма эротические, а иногда с довольно смелой, я бы не сказала, очень остроумной игрой. Например: «К Богу на газетовом листе». Это запомнилось. Ну, газет — известно, кареты, на которой везли гроб, но это получалась несколько двусмысленная игра.

Помню и такой случай, как однажды три или два человека пришли к Вячеславу Ивановичу, это была молоденькая и очень талантливая его ученица, впоследствии заведующая кафедрой истории Греции и Рима, Ксения Михайловна Колобова⁴⁴ и еще один студент Штайнпрес⁴⁵. Они пришли вечером к Вячеславу Ивановичу, это был выходной день, а я у него была в гостях, и они прочитали одно большое стихотворение Харазова, полностью противоречащее мировоззрению Вячеслава, что им было известно и было сделано специально для того, чтобы разъярить Вячеслава Ивановича. Они это прочитали и ушли, весьма довольные собой, а он остался в очень большом волнении, я это помню, как он сильно переживал вот это стихотворение своих учеников. Так вот Харазов этот — мировоззрение его я не берусь характеризовать, может быть, это был и сатанизм, а, может быть, это был просто полный нигилизм, но во всяком случае это было нечто чуждое и принципиально враждебное Вячеславу Ивановичу. И в то же время это был человек, который оказывал большое влияние на всю нашу группу, и у него были самые разнообразные труды, и вообще это человек, на которого следовало бы обратить внимание и изучать, насколько это возможно. В частности, у него есть цикл стихов — стихи эти хранятся у Моисея Семеновича Альтмана, посвященные греческим философам, характеристике греческих философов: Гераклита и других (элеатов и так далее), в стихах, чрезвычайно интересная, великолепная характеристика. Все, что делал Харазов, было необычайно и талантливо.

Приближался двадцать четвертый год — год, когда отмечался юбилей Пушкина, сто двадцать пять со дня рождения. Вячеслав Иванович получил приглашение от имени Луначарского приехать в Москву для того, чтобы сделать свой доклад на юбилее Пушкина. Вячеслав Иванович, видимо, рассчитывал, а может, списывался, это мне неизвестно, но рассчитывал получить командировку в Италию. Я имею целый ряд данных думать, что он

не собирався эмигрировать и там оставаться, но вместе с тем поездка в Италию на много лет в двадцать четвертом году сулила всякое, трудно было быть уверенным, мог он вернуться или нет. В Москву он не взял ни сына, ни дочери, он поехал один, но поехали, присоединились к нему его ученики. То, что происходило в Москве, я не буду рассказывать, потому что об этом написано, это известно или я слышала об этом из уст, во-первых, Моисея Семеновича Альтмана, он был в Москве в это время, затем, значит, Колобова была, и Мануйлов был. Я это просто хочу сказать, потому что в воспоминаниях этих людей, Колобова воспомянувшая не оставила, но Моисей Семенович...

А.: Она умерла?

М.: Почему, она жива, но воспоминаний у нее нету, а Мануйлов описывал и Альтман довольно подробно это пребывание. Я только помню в вагонном окне рядом две головы: седую голову Вячеслава Ивановича, значит, длинные волосы, очки, лицо было бритое и, как мне говорили, немножко стилизованное под Момзена⁴⁶, и рядом молоденькое, юное лицо Виктора Мануйлова, одетого в военно-морскую форму. Он преподавал в Военно-морском училище. Обычно он ходил, конечно, не в мундире, но для такого случая, как поездка в Москву, где он опекал Вячеслава Ивановича, которому было трудно самостоятельно передвигаться, он был около него всегда. И вот эти две головы — юное, совсем молоденькое лицо Вити Мануйлова и лицо Вячеслава Ивановича — так вот и запомнились мне навсегда.

После его отъезда и когда, видимо, решена была его командировка в Италию, началась распродажа его библиотеки. Занимался этим в основном Серженька, то есть Сергей Витальевич Троцкий, помогала, должно быть, Лидия. И тут на мне большая вина. Сергей Витальевич подарил мне из этой библиотеки одну книгу греческой лирики, но я ее оставила во время войны в Ленинграде — и она у меня пропала.

Перед отъездом были очень напряженные дни, в Баку (о Москве я не буду говорить, тоже было очень тяжело), но перед отъездом он дарил нам свою фотографию и с надписью, и со стихотворением на обороте. Я должна признаться в своей очень большой вине — опять же вине перед собой прежде всего: я много фотографий оставила в Ленинграде перед эвакуацией. Почему я это сделала? Почему я оставила такие дорогие мне вещи, сейчас абсолютно понять не могу. Очевидно, в том состоянии шока, в котором я находилась в минуты отъезда из Ленинграда в начале войны — только этим можно объяснить. К счастью, я очень отчетливо помню и саму фотографию, и надпись, и стихотворение. Надпись была такая: «Моей филологической сотруднице и сомечтательнице Елене Александровне Миллиор». Сотруднице и

сомечтательнице — в связи с моей дипломной работой, которая была по заданию Вячеслава Ивановича выполнена, но уже защищала я ее, когда Вячеслава Ивановича в Баку не было. Работа эта была на тему: «Культ Эринний». И тогда я пользовалась и Павзанием, и Эсхилом, Еврипидом, причем текст я читала на греческом языке, это было обязательно по нашим требованиям, по уровню. И каждую главу я посылала в дальнейшем Вячеславу Ивановичу на отзыв, не самую главу, а содержание каждой главы. И у меня есть из Италии записочка в письме Лидии Вячеславовны самого Вячеслава Ивановича, в которой он говорит о моей работе и о том, что он собирается показать ее Фаддею Францевичу Зелинскому, если он приедет к нему в Италию⁴⁷.

А стихотворение, которое он мне написал, я тоже помню наизусть, и я с большим удовольствием его прочитаю. Оно, так сказать, сохранилось.

Какая светлая стезя
Открыта мысли, сердцу Нелли.
Иди же, Нелли, не скользя
Сквозь горы и льдины и метели
На дионисовы свирели.
Кому они однажды пели,
Тому не идти на зов нельзя.

Это стихотворение для меня очень важно и дорого.

В заключение еще о двух вещах, которые я пропустила, я хотела бы упомянуть.

Д.: Минуточку. Может быть, вы все-таки докончите о Москве.

М.: О Москве я очень немного могу сказать, только со слов Виктора Мануйлова, но у него это где-то записано, я знаю. В 1966 году, когда отмечали столетие со дня рождения Вячеслава Ивановича и в Италии была поставлена в Павии, где он преподавал, в колледже Боромео, соответствующая мемориальная доска, что здесь тогда-то и тогда-то вел занятия поэт Вячеслав Иванов, в это время мы собрались в Ленинграде, группа бакинцев, в основном его учеников, делились своими воспоминаниями, стоял магнитофон, выступал с большим таким почти докладом Виктор Мануйлов, и то, что он говорил, записано и сохранено на магнитофонной ленте.

Д.: Так где эта магнитофонная лента, у кого она?

М.: У Виктора Мануйлова. Все это было организовано им, и все это было записано. Выступала я, выступал Моисей Семенович Альтман, Ксения Михайловна Коробова, сам Мануйлов — и все это хранится на магнитофонной ленте, которая находится у Виктора Мануйлова. Присутствовал кто-то из университетских. Это носило характер хотя и не официальный, но и не подполь-

ный. Кто-то из официальных лиц университетских присутствовал, все это было открыто. И длилось это чуть ли не до двух или до трех часов ночи, а потом поехали, и машина, на которой мы ехали, остановилась возле дома с башней. Правда, было так темно, что уже ничего невозможно было разобрать.

Во-первых, Мануйлов присутствовал при встрече Вячеслава и Маяковского. Это записано у Виктора.

Д.: Это совсем другое дело. Расскажите, пожалуйста.

М.: Я не могу подробно рассказывать. Я только могу сказать, что встреча была очень дружественной, что они очень дружелюбно в течение довольно длительного времени беседовали, с большим уважением со стороны Вячеслава Ивановича и взаимном уважении со стороны Маяковского. Никаких следов антагонизма не было.

Д.: Эта встреча была...

М.: В Москве в 24-м году в каком-то, я не знаю точно, в помещении какого-то института, университета, не знаю где. Там была встреча Маяковского сначала с молодежью, кто-то читал скучные стихи в честь Маяковского, которые ему никакого удовольствия не доставляли, а потом, значит, пришел Вячеслав Иванович, и все, конечно, изменилось, и потом они вместе сидели где-то, пили-ели в буфете, и беседа была самая дружеская и полная взаимного уважения⁴⁸. Деталей я не знаю. Тут что-то в деталях разошлись, как это обычно бывает у очевидцев, Моисей Семенович⁴⁹ и Виктор Андроникович — что-то они по-разному толкуют...

М.: И еще одно было. Вячеслав Иванович встретился с Брюсовым. Мне тоже об этом говорить подробно неудобно, потому что все это записано. Знаю только, что Вячеслав Иванович в чем-то корил Брюсова, и Брюсов не защищался. Это было уже незадолго до смерти Брюсова. И затем еще одну деталь, которую стоит отметить, что его прощание с учениками (все врозь), и с Альтманом, и с Колобовой, и с Мануйловым было чрезвычайно тяжелое. Вячеслав Иванович плакал, и, видимо, он уже чувствовал, что он не вернется, не увидит никого. Я очень жалею, что меня там не было. Это была последняя встреча, очень глубокая, встреча не студентов и профессора, а людей духовно близких, близких друзей. Очень тяжелое последнее расставание.

А потом продолжалась уже переписка. Она не была интенсивной, но и Мануйлов переписывался с Вячеславом Ивановичем. Я переписывалась в основном с Лидией Вячеславовной, и у меня эти письма целиком сохранились⁵⁰. Вот это единственное, за что я себя хвалю. Каким-то образом, я не знаю, сейчас мне это не совсем понятно. Очевидно, я из Баку перевезла в Ленинград, я так думаю. Я этого не помню, но у меня эти письма, полученные

на бакинский, потом на ленинградский адрес, довоенные, разумеется, до начала 30-х годов. Так что первое время пребывания Вячеслава Ивановича в Италии у меня документировано письмами Лидии Вячеславовны. И о том, как он нуждался, и о том, как он потом преподавал в колледже в Павии, и там две записки его ко мне лично, помимо ее рассказов о нем. Есть и такое, что он буквально плачет, вспоминая свои книги, в особенности одну, ему особенно нужную (очевидно, Эсхила), где он говорит о том, что взять в библиотеке — это его не устраивает как библиотечная книга, а купить — денег нет. Начинается с того, что только что от него ушла милая девочка, его ученица, которая преподает греческий язык⁵¹. Ну, конечно, это уже известно теперь, что никогда он не был связан с Ватиканом и так далее...

Д.: Не был связан?

М.: Нет-нет, это же есть у Чарного в его «Встрече с Вячеславом Ивановым», напечатанной в журнале «Вопросы литературы» в 66-м году, у меня имеется этот номер. Он там то же самое об этом говорит, восстанавливая, так сказать, всю истину. Вячеслав Иванович очень нуждался, нуждался и в это время. Они встретились... Чарный напечатал в 66-м году, а встреча произошла в довоенное время, разумеется. Чарный там был в какой-то командировке, и там все это, в общем, описано, пересказывать статью никакого смысла нету. Только отмечу, что он был хоть и в черном, но весьма потертом костюме, так что Вячеслав Иванович очень нуждался, и позиция его была всегда вполне... (по отношению к России) лояльная. Первое время он получал, значит, командировочные, своё содержание как командированный, кажется, для перевода Данте был... он поехал в Италию, а затем, когда этот срок командировки кончился, а вернуться он не мог... Тут имеются его письма к Макавельскому, где он запрашивал, есть ли возможность, так сказать, получить работу. Но в это время, как я сказала вначале, уже не было факультета и вообще началось гонение на античность. Я была в таком же, соответственно, конечно, в таком же положении: я не могла работать как историк и как античник, это было совершенно закрыто. Вот. И поэтому, значит, он был, по существу, вынужден остаться. Горький за него хлопотал, и он ещё некоторое время получал помощь из Литфонда. Это мне рассказывал... дай бог памяти, я забыла его фамилию, может, я потом вспомню, его друг, поэт, который жил в Ленинграде. Мы с ним как-то встретились, и он мне это сказал и я запомнила, о том, что Вячеслав Иванович...

Д.: Не Болотин? Переводчик?

М.: Что?

Д.: Не переводчик Болотин?

М.: Нет, нет. Это один... известный... Но у меня на фамилии сейчас бывает иногда... тем более, редко я вспоминаю, так что вспомнить я сейчас не могу. Может быть, с Мануйловым вместе я бы и могла вспомнить, потому что известно, что они встречались и были друзьями. И вот он мне как-то при встрече рассказал о том, что Горький схлопотал для него, значит, некоторую помощь из Литфонда. Ну, потом это всё кончилось, и он уже... Вячеслав Иванович получил работу там, в Павии.

Насколько они нуждались, видно еще из такой детали. У меня есть одно письмо Лидии Вячеславовны. Она училась в это время в консерватории (она композитор и органистка, пианистка), и вопрос шел о стипендии, конкурс на стипендию. И она говорит о том, что стипендию получила не она, а другая, потому что та итальянка, а она, значит, была советская подданная, русская и поэтому она не получила этой стипендии, но она, видимо, очень в этой стипендии нуждалась. Надо сказать ещё, что Дима, Дмитрий, сын Вячеслава Ивановича, заболел туберкулезом, и в течение некоторого времени он лечился в Швейцарии, конечно, не в Давосе, не в самом роскошном санатории (на это денег не было), но, в общем, он вылечился.

Теперь хотелось бы, прежде чем я остановлюсь окончательно, <закончить> двумя фактами, которые я упустила, из бакинского периода Вячеслава Ивановича. В Баку был издан сборник стихов, который сейчас уже надо считать очень большой редкостью библиографической, мало у кого он сохранился, у меня он имеется, сборник этот называется «Норд»⁵². И очень хорошо была сделана виньетка поэтессой, художницей Верой Федоровной Гадзяцкой. Сборник этот начинался и заканчивался стихами Вячеслава Ивановича. Были там стихи и Волошина, затем, были стихи Всеволода Рождественского, Леонида Борисова и затем стихи наших бакинских поэтов: Ксении Михайловны Колобовой стихотворение, затем стихотворение, два стихотворения Виктора Мануйлова, затем Миши Брискмана. Брискман посвятил стихи Ксении Михайловне Колобовой, а Колобова посвятила свое стихотворение Лечке Юкель. О ней рассказывать я не буду, об этом есть в воспоминаниях Мануйлова о Есенине⁵³. Это совершенно очаровательное существо, которым восхищались мы все. Она прелестно пела песни на собственный мотив на стихи Есенина и на стихи Мануйлова. Если бы я обладала голосом, я могла бы напеть, потому что я хорошо помню, но искусством пения не обладаю.

Вот этот самый сборник и вышел под редакцией, во всяком случае под покровительством Вячеслава Иванова, почему я об этом и говорю.

Теперь второе, более интересный и важный факт, который я каким-то образом упустила. Вот я упомянула имя художницы

Веры Федоровны Гадзятской⁵⁴, мы ее называли Вегой — ВэГэ — так она подписывала свои картины на какой-то выставке. Очень талантливый человек, пожилой уже теперь, сейчас она живет в Сухуми. Она жила со своей матерью и со своим отчимом, профессором не нашего университета, по-моему, политехнического института⁵⁵, я его не помню, не очень далеко от университета. Это был богатый, гостеприимный дом. И вот там собирались мы, то есть Вячеслав Иванович, вероятно, бывал и Серженька, то есть Сергей Витальевич Троицкий, и затем из учеников, я не помню Моисея Семеновича Альтмана, бывал он или нет, кажется, нет. Но точно помню, что был Миша Брискман, Миша Сироткин, был такой, его стихи тоже в «Норде», затем Ксения Колобова, любимая ученица Вячеслава Ивановича, Виктор Мануйлов и Нелли Миллиор. Собирались, и на столе стояла такая символическая чаша, ваза. А чаша заключалась в том, что по кругу каждый должен был читать стихи. Начинал обычно Вячеслав Иванович (свои стихи), а затем читали другие, те, у кого стихи были. Все мы стихи писали. И уж я воспользуюсь таким случаем, удовлетворю свое тщеславие и попрошу разрешение записать стихотворение, которое я тогда написала и которое заслужило одобрение Вячеслава Ивановича. Дело в том, что около Баку было (и сейчас, конечно, существует) полупустынное место на берегу моря, такой мыс под названием Зых, который переименовали на греческий лад — Зыхос. Вячеслав Иванович там тоже одно время летом отдыхал в такой сакле, можно сказать. Все это было в высшей степени не комфортабельно, при этой сакле даже садика настоящего не было, но я очень хорошо помню, как он очень элегантно и галантно обратился к моей маме со словами, кушала ли она когда-нибудь суп из черепак. Это до такой степени контрастировало со всей обстановкой, что не могло не запомниться.

Он, когда был на Зыхе, говорил о том, что это очень напоминает Грецию, что он видел горы с трех сторон и ощутил себя в Аттике. А я там работала в клубе библиотекарем и готовилась к экзамену по греческой трагедии, и это было одним из лучших моих жизненных эпизодов, когда я сидела на пристани, спустив ноги в воду, бакинская жара, запах мяты, чабреца, если выйти за пределы посёлка, и к этому стихи Софокла... Одним словом, это было совершенно замечательно. Я потом сдавала ему этот экзамен. И вот там я написала по поводу Зыха стихотворение, которое очень характерно для моего настроения и вообще для настроения нашего в тех временах.

По древним курганам бродить, беречь умерших сны,
Чарам отдался твоим, Зыхос священный.
Есть ложе в прибрежной скале. На нем я подолгу лежу,
Смотрю на желтую степь, на синюю даль предо мной.

Вдруг чувствую тихий призыв, шепот нежащих рук,
Ласку невидимых уст. Знаю, священная тень Сафо прошла предо мной,
Руки простерла я вниз, молитву подземным прочла.
Средь древних курганов бродить, грезить умерших сны,
Чарам отдаться твоим, Зыхос священный.

Нечего говорить, никаких курганов, ни древних, ни новых, там не было. Это был плод моего воображения. Я думаю, на этом я и закончу свои воспоминания.

Д.: Нет, а вот еще о «Чаше».

М.: Вот я сказала, что на этой чаше мы по очереди читали стихи. Вот это стихотворение читала я, потом сидели за стол, был ужин, с вином, с беседой.

А.: А кто назвал «Чашей» это?

М.: Вот мы и называли это «Чашей», потому что по кругу это все происходило. Очень хорошо помню один вечер, почему-то никто из нас не записывал. Сколько я ни спрашивала, никак не могут восстановить в памяти, сколько вечеров было, и что на них делалось. Никто не помнит! А знаю только, что как-то мы все, всей нашей молодой компанией провожали Вячеслава Ивановича, уже было поздно, ночь, и мы шли, Вера Гадзяцкая была, остальные были не помню уж кто, но когда он уже вошел <в свой дом>, мы на улице взяли за руки и закружились в танце — настолько мы были возбуждены, что не могли успокоиться, в таком были восторге от всего. Затем мы фотографировались, фотография «Чаши» сохранилась, на ней Вячеслав Иванович, Лидия Вячеславовна, Вера Федоровна и ее мать, Миша Брискман, затем Марья Яковлевна Варшавская⁵⁶, тогда Муся Варшавская, Леночка Юкель и еще целый ряд других людей из молодежи, Лидия Вячеславовна, конечно, тоже присутствовала, и я там сфотографирована. Это было примерно в 24-м году, незадолго до отъезда. Мне было, очевидно, 23 года тогда. Вот эта фотография сохранилась⁵⁷.

Это любительский снимок, очень хороший. Я тоже не сохранила, но у меня есть точная копия. У меня лежат два групповых снимка⁵⁸: снимок чаши, где Вячеслав Иванович, затем круглый столик небольшой кабинетный, на нем ваза, символизирующая чашу, и с другой стороны профессор Зуммер, с ассирийской бородой без усов.

Арутчева: Знаете, как его сторожа звали? «Сакан шайтан» — это значит «бородатый чёрт».

М.: Да, вот эта черная борода, живое очень лицо... Он тоже посещал чашу. Внизу (как мы смеялись, «у ног учителя»), прижавшись коленями к Вячеславу Иванову, молодой Витя Мануйлов, очень славный, хорошенький мальчик, которому тогда был 21 год. Затем по одну сторону Леночка Юкель, в которую он был

влюблен и по-моему вполне взаимно, вполне заслуженно, с другой стороны такая Шуручка Вейс⁵⁹, с которой он тоже дружил.

Вот эта чаша, вероятно, будет опубликована в собрании сочинений, которое сейчас выходит в Брюсселе, Вячеслава Иванова. Третий том должен был быть как раз посвящен бакинскому периоду жизни Вячеслава Иванова.

Там должно быть опубликовано стихотворение, которое я сейчас вам читала, Вячеслава Ивановича, посвященное мне, стихотворение, посвященное Ксении Михайловне Колобовой (я его наизусть не помню, но копия у меня хранится в Ленинграде) и затем, значит, стихи Мануйлова Вячеславу, Вячеслава Мануйлову. У них переписка была такая стихотворная. Все это будет в свое время опубликовано⁶⁰.

Арутчева: Я вам могу сказать четыре строчки Вячеслава Иванова, которые не опубликованы. У нас была такая Лёля Самойлова, она нарисовала его портрет с фотографии и подарила, и он ей подарил свой портрет и написал:

Даровитый милый львенок...
(Она сказала, что она отца зовет львом, а он ее «львенок»)
Даровитый милый львенок,
Выбирайтесь из пеленок.
Как увидите со львом,
Бейте от меня челом.

Это он ей написал. А мы ему подарили тоже большой портрет, когда он уезжал. Это Леля Самойлова нарисовала, а я написала тоже четверостишие.

Ты, льющий слов победных славой,
В нас всколыхнувший дум пожар,
Вплети в венок лавровый славы
И наш любви смиренный дар.

М.: Очень хорошо.

Д.: Елена Александровна, большое вам спасибо, я очень вам благодарен. На этом мы кончаем.

¹ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступит. статья С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; Закл. статья В.В. Кожина. М., 1996.

² *Миллиор Е.* Размышления о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор. 1995. С. 77–128.

- ³ Отрывок из письма цитируется по публикации: К творческой истории «Размышлений о романе М. Булгакова» и к замыслу романа «Дион» (из писем Е.А. Миллиор к Д. Черашной. 1970–1977) // Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 132.
- ⁴ *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту. 1968. Вып. 209: Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. С. 326–339.
- ⁵ Георгий Артемович (Георг фон) Харазов (1877–1931). Подробнее о работах и судьбе Г.А. Харазова см.: *Клюкин П.* Творческое наследие Г.А. Харазова в контексте развития экономической теории воспроизводства // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 133–150.
- ⁶ Письмо Е.А. Миллиор к Н.В. Котрелеву // Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 49.
- ⁷ Вестник Удмуртского университета. 1995. С. 28–30. См. также другие публикации в этом сборнике, имя Вяч. Иванова и воспоминания о Баку присутствуют почти во всех письмах Е.А. Миллиор, опубликованных в этом номере журнала.
- ⁸ Бакинская женская гимназия была основана в 1874 году. В ознаменование дня коронации в 1883 году, гимназии было присвоено имя императрицы Марии Федоровны.
- ⁹ Судя по воспоминаниям других бакинцев (см.: *Шатуновская О.Г.* Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская. Сост.: Д. Кутына, А. Бройдо, А. Кутына. La Jolla (Calif.) : DAA Books, 2001), так называли учебное заведение при Бакинском отделении Женского благотворительного общества во имя Св. Равноапостольной Нины.
- ¹⁰ Бакинский государственный университет был основан решением парламента Азербайджанской Демократической Республики 1 сентября 1919 года.
- ¹¹ Университет был учрежден в составе четырех факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского), но по всей видимости физико-математический и юридический факультет начали свою работу позднее.
- ¹² *Байбаков Евгений Иванович* — историк античности, профессор Бакинского университета, позднее выступал официальным оппонентом на защите диссертации Вяч. Иванова в Баку 22 июля 1921 года, шуточные стихи, посвященные защите, см.: *Котрелев Н.В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 328–329.
- ¹³ *Бузескул Владислав Петрович* (1858–1931) — историк античности, профессор Харьковского университета.
- ¹⁴ *Дубровский Николай Александрович* — профессор Бакинского университета, один из его основателей.
- ¹⁵ *Ишков Леонид Александрович* — профессор истории, заведующий отделом высших учебных заведений НКП Азербайджана, до преобразования историко-филологического факультета в ФОН был его деканом.
- ¹⁶ *Селиханович Александр Брониславович* (1880–1968) — автор трудов по педагогике, профессор Бакинского университета.
- ¹⁷ *Гуляев Александр Дмитриевич* (1870–1930) — специалист по античной истории, профессор Бакинского университета, в 1923–1926 — ректор университета.

- ¹⁸ *Маковельский Александр Осипович* (1884–1969) — философ и историк, профессор Бакинского университета, позднее — член-корреспондент АН СССР.
- ¹⁹ *Довнар-Запольский Митрофан Викторович* (1867–1934) — экономист, историк, фольклорист и этнограф, родом из Белоруссии.
- ²⁰ *Майер (Meyer) Эдуард* (1855–1930) — крупнейший немецкий ученый, специалист по древней истории.
- ²¹ Вероятно, имеется в виду исследование немецкого историка античности Юлиуса Керста (Julius Kaerst) «Geschichte des Hellenistischen Zeitalters»
- ²² Белох Карл Юлиус (1854–1929) — выдающийся немецкий историк. Вероятно, имеется в виду его двухтомный труд «Греческая история» (1893–1897), который уже в конце 90-х перевел на русский язык М.О. Гершензон. Современное издание см.: Белох Ю. Греческая история: В 2-х тт. М., 2008.
- ²³ Имеется в виду издание сочинений греческого историка Фукидида: История. Пер. Ф. Мищенко с прим. и вступит. статьей С. Жебелева. Т. 1–2. М.: М. и С. Сабашниковы. 1915.
- ²⁴ Вероятно, имеется в виду работа Бергера Анатолия Ксаверьяновича «Политическая мысль древнегреческой демократии». М., 1966.
- ²⁵ Зуммер Всеволод Михайлович (1885–?) — историк искусства.
- ²⁶ *Жузе Пантелеймон Крестович* (1871–1942) — выдающийся тюрколог.
- ²⁷ Имеется в виду вышеназванная работа Н.В. Котрелева «Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета».
- ²⁸ Ошибка мемуаристки, у Г. Рошера нет такого сочинения. Вероятно, в библиотеке была либо трехтомная «История религии античной Греции» аббата Мори (*Mauru*. «Histoire des religions de la Grèce antique»), либо труд немецкого филолога классика Велькера (*Welcker F.G. Griechische Götterlehre*. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1857–1863. Bd. 1–3). Оба исследования изучал Вяч. Иванов в процессе работы над «Эллинской религией страдающего бога». См.: *Богомолов Н.А.* К изучению круга чтения Вяч. Иванова // Иванов Вяч.: Исследования и материалы. Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский и А.Б. Шишкин. Вып. 1. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2010. С. 453–454.
- ²⁹ Имеется в виду лексикон немецкого ученого Г.В. Рошера «Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» («Подробный лексикон греческой и римской мифологии»).
- ³⁰ Имеется в виду вышедшее с 1893 года под редакцией Г. Виссова (*Wisowa*) многотомное издание энциклопедии классических древностей Паули «Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft».
- ³¹ Жизнь семьи Вяч. Иванова в Баку подробно описана в воспоминаниях: *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. Подг. текста и комментарий Дж. Мальмстада. М., 1992.
- ³² Поэт Сергей Городецкий (1884–1967), входивший в петербургское окружение Вяч. Иванова; после распада 1-го Цеха поэтов в 1915 году отошел от него. В 1916–1921 гг. жил на Кавказе, печатался в газетах Тифлиса и Баку. Поскольку Городецкий занимал просоветскую позицию, после переезда Вяч. Иванова в Баку сколько-нибудь дружеские отношения между ними не восстановились.

- ³³ *Пяст (настоящая фамилия Пестовский) Владимир Алексеевич* (1886–1940) — поэт-символист, входил в петербургское окружение Вяч. Иванова.
- ³⁴ О Сергее Витальевиче Троцком подробнее см. во вступительной статье и комментариях к его воспоминаниям: *Троцкий С.В.* Воспоминания. Публ. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10; Вячеслав Иванов. Материалы и публикации. Сост. Н.В. Котрелев. С. 41–88.
- ³⁵ *Брискман Михаил Аркадьевич* (1904–1975) — один из учеников Вяч. Иванова по Бакинскому университету, участник семинара по поэтике. После окончания университета в 1927 году переехал в Ленинград, работал библиографом, став крупным специалистом в области библиотековедения.
- ³⁶ *Генерал Янушкевич Николай Николаевич* (1868–1918) — видный военачальник, входивший в окружение великого князя Николая Николаевича.
- ³⁷ *Альтман Моисей Семенович* (1896–1986) — литературовед, ученик Вяч. Иванова по Бакинскому университету и его биограф, по его записям подготовлена кн.: *Альтман М.С.* Разговоры с Вяч. Ивановым. Сост., подг. текста В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.
- ³⁸ Впервые беседы Альтмана с Вяч. Ивановым были частично опубликованы: *Альтман М.С.* Из бесед с поэтом В.И. Ивановым / Примеч. М.Э. Коор // Ученые записки Тартуского гос. университета. Т. IX. Вып. 209. Тарту. 1968. С. 304–325.
- ³⁹ Имеется в виду работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».
- ⁴⁰ Имеется в виду книга немецкого философа, последователя Ф. Ницше Эрвина Роде (1845–1898) «Псюхе. Культ душ и вера в бессмертие» (Rhode E. Psyche. Seelenkultur und Unsterdlichkeitglaubt. Bd. I–II. Freiburg in Breislaw – Leipzig, 1890–1894).
- ⁴¹ О приездах С. Есенина в Баку см. главу «О Сергее Есенине» в воспоминаниях В.А. Мануйлова «Записки счастливого человека» (СПб., 1999. С. 108–140).
- ⁴² О выступлениях в Баку Маяковского см. там же главу «В.В. Маяковский». С. 141–153.
- ⁴³ *Харазов Георгий Артемьевич* (ум. 1931) — доктор экономических наук, профессор Бакинского университета, поэт (примыкал к тифлисским футуристам), критик. Источники для биографии Харазова см. в комментариях к кн.: *Альтман М.С.* Разговоры с Вяч. Ивановым. С. 173, а также высказывания Альтмана о нем и записи бесед с ним по именному указателю.
- ⁴⁴ *Колобова Ксения Михайловна*, (1905–1978) — ученица Вяч. Иванова по Бакинскому университету, позднее историк античности, профессор Ленинградского университета.
- ⁴⁵ *Штейнтрейс П.П.* — по характеристике М.С. Альтмана «это студент, филолог, главное занятие его — философия. Это красивый, с безукоризненным пробором немец, аккуратный до безумия» (*Альтман М.С.* Разговоры с Вяч. Ивановым. С. 267).
- ⁴⁶ *Моммзен Теодор* (1817–1903) — выдающийся немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римскому праву, лауреат Нобелевской премии 1902 года за книгу «Римская история». Преподавал в Берлинском университете в годы, когда там учился Вяч. Иванов, любивший рекомендовать себя учеником Моммзена.

- ⁴⁷ Посвящение Вяч. Иванова воспроизводится в кн.: *Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 104*, а также: *Вестник Удмуртского университета. С. 8*.
- ⁴⁸ Встреча произошла в июне 1924 года в Москве, вскоре после выступления Вяч. Иванова на Всесоюзном чествовании Пушкина по случаю 125-летия со дня рождения на собрании студенческого общества любителей Российской словесности в МГУ. Подробнее см.: *Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. С. 149–150*.
- ⁴⁹ Воспоминания Алтмана о встрече Вяч. Иванова и Маяковского неизвестны.
- ⁵⁰ Опубликованы: *Письма Л.В. Ивановой к Н.А. Миллиор // Вестник Удмуртского университета. С. 38–48*.
- ⁵¹ Возможно, неточный пересказ письма Вяч. Иванова от 8 марта 1925 года, которое опубликовано: *Вестник Удмуртского университета. С. 28*. Вяч. Иванов писал, что умирает без словаря Георгеса (*Georges K.E. Ausfrihriches lateinisch-deutsches Handwörterbuch* (переиздавался неоднократно) и уже упоминавшейся книги Е. Роде (*Rhode E. Phyché. Seelenkultur und Unsterdlichkeitglaubt*).
- ⁵² Историю издания сборника «Норд» (Баку, 1926) см.: *Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. С. 253–254*. Обложка и виньетка сборника «Норд», а также дарственная надпись Е.А. Миллиор воспроизведены на вклейке «Вестника Удмуртского университета».
- ⁵³ О *Елене Юкель (в замужестве Оганян)* см. в воспоминаниях Лидии Ивановой (С. 100–101, 352) и в воспоминаниях В.А. Мануйлова (по указателю).
- ⁵⁴ *Гадзятская Вера Федоровна* — дочь Р.А. Гадзятской от первого брака, художник-график и поэт.
- ⁵⁵ Отчимом В. Гадзятской был профессор П.И. Кузнецов
- ⁵⁶ *Варшавская Мария Яковлевна* — ученица Вяч. Иванова по Бакинскому университету, в 1926 году стала женой М. Брискмана и переехала с ним в Ленинград, где занялась живописью и работала в Эрмитаже.
- ⁵⁷ Фотография опубликована на вклейке «Вестника Удмуртского университета», описание лиц на снимке. См.: там же. С. 47–48.
- ⁵⁸ Второй из снимков опуб. в *Собр. соч. В.И. Иванова. Т. 1. После с. 160*.
- ⁵⁹ *Вейс Александра Васильевна* — после окончания Бакинского университета ушла на партийную работу и погибла в период репрессий.
- ⁶⁰ В тт. 3 и 4 брюссельского Собрания сочинений Вяч. Иванова указанные материалы опубликованы не были.